Галина Ергазина-Галеррос

Мелодии леса

Галина Ергазина-Галеррос

Мелодии леса. Радость дружбы с животными и пернатыми

«Издательские решения»

Ергазина-Галеррос Г.

Мелодии леса. Радость дружбы с животными и пернатыми /
Г. Ергазина-Галеррос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534337-6

Книга Г. Ергазиной-Галеррос «Мелодии леса. Радость дружбы с животными и пернатыми» состоит из двух частей.В первой части книги можно познакомиться с удивительными историями о природе; о дружбе человека — взрослых и детей с пернатыми и животными.Вторая часть книги — об удивительно счастливых испытаниях в пути к своей мечте и знакомит с замечательными мастерами дрессуры — артистами цирка. Это настоящие волшебники, умеющие дарить радость, изумление и восторг своим зрителям — детворе и взрослым.

ISBN 978-5-00-534337-6

© Ергазина-Галеррос Г.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы 6
Вместо предисловия 7
Загадочные слова лесника Антипыча 9
Календарь лесных животных и пернатых 14
Сказки старого леса 23
Виннипегский волк 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Мелодии леса
Радость дружбы с животными и пернатыми

Галина Ергазина-Галеррос

Корректор Галина Ерина

© Галина Ергазина-Галеррос, 2021

ISBN 978-5-0053-4337-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга Г. Ергазиной-Галеррос **«Мелодии леса. Радость дружбы с животными и пернатыми»** состоит из двух частей: первая часть книги **«Рассказы ребятам о природе, о друзьях – животных и пернатых»** составлена из рассказов разных авторов. Это волшебная красота и сила природы. Здесь можно познакомиться с историями о дружбе человека – взрослых и детей с пернатыми и животными. Как они умеют уважать и любить друг друга.

А вторая часть книги – это рассказы Г. Ергазиной-Галеррос **«О рыцарях радости и вдохновения. Об удивительных счастливых испытаниях в пути к своей мечте**. Рассказы посвящены артистам цирка. Это настоящие волшебники, умеющие открывать таланты у своих подопечных, четвероногих друзей-артистов, которые, выступая во время цирковых представлений, знакомят восторженных зрителей с воспитанными своими умениями.

Рад, что книга не только для читателей любящих животных и пернатых.

#
д.б.н., профессор
кафедры биогеографии
географического факультета МГУ Н. Н. Дроздов
#

«…я восхищен книгой. Ваш текст волшебный, – простой русский язык, а главное – множество правдивых, берущих за душу историй!»

#
*Д. б. н., акад РАЕН, А. **Н. Лебедев***
#

«Спасибо за рассказы, которые передают трепетную волшебную силу и связь природы живого мира – и растений, и животных, и пернатых и человека, и Космоса…

#
Е. Молокумов
#

Рассказы
«Ребятам о природе, о друзьях – животных и пернатых»
(Часть первая)

Вместо предисловия

«Рассказы ребятам о природе, о друзьях – животных и пернатых» (первая часть) – это сборник рассказов разных авторов об уникальном мире природы, о наших младших собратьях – самых разных животных и пернатых. Окружающая нас природа нежная и трепетная вдохновляет нас, даёт творческое пространство полету мечты для нашего будущего планеты Земля.

А животные и птицы, нередко, поражают преданностью и верностью в нашей повседневности. Это и собаки, и обезьянки, и кошки, и даже ежи, и многие-многие другие. В свою очередь ворона, попугай могут проявлять свою любовь не только, к примеру, к собаке или котенку, но и к нам, самым дорогим, называя ласково по имени. Или, такие птицы как – голуби, пеликан или сип долго изучают нас и вскоре могут стать преданными друзьями и даже артистами-партнёрами на радость детям и взрослым. Мы хотим больше знать о наших подопечных, любя их и отвечая за них, делиться с детьми всего нашего замечательного мира и природы об удивительных наших друзьях – животных и пернатых!

В рассказах повествуется как нежность и любовь становятся залогом дружбы между животными, пернатыми и человеком. Как, благодаря мастерству дрессировщика, раскрываются оттенки чувств и поведение воспитанников, где дружба и терпение – это ключ к проявлению их талантов в течении дрессировочного процесса.

Природа одарила всё живое замечательными качествами – это чувство любви и нежности, а для человека это залог настоящей всемогущественной дружбы. Как важно видеть, чувствовать и беречь трепетное дыхание и красоту природы, ответственно относиться к животным и пернатым – об этом писали отечественные писатели-натуралисты М. Пришвин, В. Бианки, Е. Чарушин и др. Это и Э. Сетон-Томпсон, основатель научно-практического центра натуралистов и развития особой научной школы зоологов в Канаде. Он классик литературы о животных, обрисовавший их удивительное поведение и чувства. И он всегда не переставал напоминать людям, что лишь общение с живой природой, бережное отношение к ней может стать источником радости и понимания ценности бытия. Полны нежности и боли его рассказы о трагических судьбах четвероногих и пернатых.

Давно замечено, если наши чувства и воля заслужили доверие у наших воспитанников, будь это животные или птицы, и профессионалы найдут с ними общий язык, это приводит подопечных к приобретению различных навыков и умений, которое мы называем чудом циркового искусства.

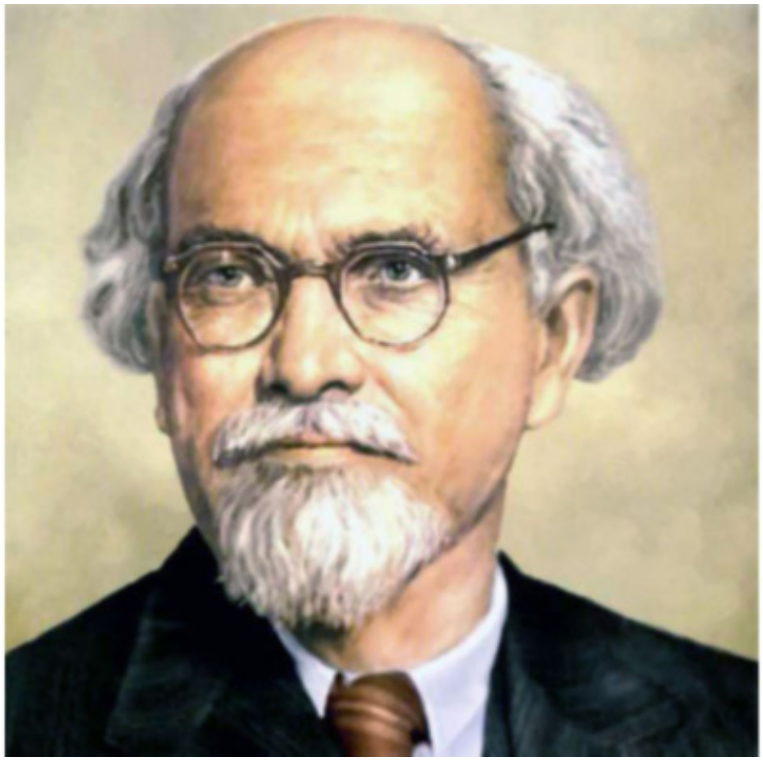
Все рассказы авторов: Э. Почерниковой-Эльворти или А. Ляшенко, Э. Запашного или В. Тихонова, Ю. Куклачёва и др. – это результаты наблюдений и творчества, уникальных открытий и традиций в процессе дрессуры, чаще, многолетних цирковых династий. Артисты цирка, дрессировщики делятся своими наблюдениями и уникальным опытом в школах Доброты или в своих книгах – откровениях о поразительных возможностях наших младших братьев. С помощью любви, уважения к ним, понимания зоопсихологических особенностей своих подопечных – просто в игре, можно развить талант даже у таких независимых и трудно поддающихся дрессуре животных, например, как у кошки. А также помочь своим воспитанникам стать замечательными актёрами на радость изумлённого зрителя, особенно юного. И при этом цирковое искусство совершает огромную воспитательную работу для ребятишек, знакомя их с особенностями и умениями самых разных животных и пернатых.

Ведь это не только своеобразная школа жизни, но и замечательные возможности настоящего искусства. Цирковое искусство – это всегда игра, риск, фантастическое зрелище. Это радость преодоления для дрессировщика, изумление от результатов мастерства дрессуры

и восторг зрителя от раскрытых талантов четвероногих воспитанников, показанных доходчиво, радостно, оригинально.

Сегодня создаётся диалог между учёными исследователями и дрессировщиками циркового искусства с целью поделиться практическим опытом для обогащения теории и практики в науке о наших младших братьях – о животных и пернатых. И нас ждёт ещё много удивительных и прекрасных открытий на пути к сердцу наших подопечных воспитанников…

Окружающая природа учит нас беречь не только её уникальные особенности, но ценить и уважать друг друга как творческую её часть, как возможность быть волшебниками в таком подарке как Жизнь.…

Михаил Пришвин
(1873—1954)

Михаил Михайлович Пришвин – это певец природы – так называли его творчество, пронизанное любовью к природе. Он умел подмечать мельчайшие детали и прекраснейшие проявления нашего мира. Читая его книги, как будто бы сам видишь, как хвоинки и цветочки замирают в ожидании дождя, буквально ощущаешь запах свежескошенной травы и мокрого песка… Поэтому, он считал, что кроме бережного отношения к природе, необходимо её изучение и понимание. Произведения Михаила Михайловича, проникнутые призывом любить и оберегать природу, издаются на многих языках мира. А у юных читателей развиваются самые лучшие качества, необходимые в жизни.

Доброта, которой пронизаны книги через рассказы о природе, передаёт его любовь к народу и земле, на которой он родился, жил и работал.

Загадочные слова лесника Антипыча (Из рассказа «Кладовая солнца»)

Горячее солнце становится матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки. Всем им солнце отдавало своё тепло, и они, умирая и превращаясь в удобрение передавали его, как наследство, другим растениям, кустикам, ягодкам, цветам и травинкам. Но в болотах вода не даёт родителям-растениям передать все своё добро детям. Тысячи лет это добро под водой сохраняется, болото становится кладовой солнца, и потом вся эта кладовая солнца как торф достаётся человеку от солнца в наследство.

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей, Настя и Митраша Весёлкины. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне. Дети были очень милые. Волосы у Насти отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх попугайчиком. Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный.

Как-то отправились они на Блудово болото за клюквой. Оно начиналось, как почти всегда начинается большое болото, непроходимою зарослью ивы, ольхи и других кустарников. Ещё не доходя до Звонкой борины (борина – так называлось возвышение на болоте), почти возле самой тропы, стали показываться отдельные кроваво-красные ягоды. Но деревенские сироты знали хорошо, что такое осенняя клюква, и оттого, когда теперь ели весеннюю, то повторяли:

– Какая сладкая!

Борина Звонкая охотно открыла детям свою широкую просеку, покрытую и теперь, в апреле, темно-зеленой брусничной травой. Среди этой зелени прошлого года кое-где виднелись новые цветочки белого подснежника и лиловые, мелкие, и частые, и ароматные цветочки волчьего лыка.

– Они хорошо пахнут, попробуй, сорви цветочек волчьего лыка, – сказал Митраша. Настя попробовала надломить прутик стебелька и никак не могла.

– А почему это лыко называется волчьим? – спросила она.

– Отец говорил, – ответил брат, – волки из него себе корзинки плетут. И засмеялся.

Пока дети так говорили и утро подвигалось все больше к рассвету, борина Звонкая наполнялась птичьими песнями, воем, стоном и криком зверьков. Не все они были тут, на борине, но с болота, сырого, глухого, все звуки собирались сюда. Борина с лесом, сосновым и звонким на суходоле, отзывалась всему. Но бедные птички и зверушки, как мучились все они, стараясь выговорить какое-то общее всем, единое прекрасное слово! И даже дети, такие простые, как Настя с Митрашей, понимали их усилие. Им всем хотелось сказать одно только какое-то слово прекрасное. Это видно, как птица поёт на сучке, и каждое перышко дрожит у неё от усилия. Но все-таки слова, как человек, они сказать не могут, и им приходится выпевать, выкрикивать, выстукивать.

– Тэк-тэк, – чуть слышно постукивает огромная птица Глухарь в темном лесу. – Шварк-шварк! – Дикий Селезень в воздухе пролетел над речкой

– Кряк-кряк! – дикая утка Кряква на озерке.

– Гу-гу-гу, – красная птичка Снегирь на березе. Бекас, небольшая серая птичка с носом длинным, как сплющенная шпилька, раскатывается в воздухе диким барашком. Вроде как бы «жив, жив!» кричит кулик Кроншнеп. Тетерев там бормочет и чуфыкает. Белая Куропатка, как будто ведьма, хохочет.

Вот почему мы, когда придём в лес на рассвете и услышим, так и скажем им, как людям, это слово:

– Здравствуйте!

И как будто они тогда тоже обрадуются, как будто тогда они тоже все подхватят чудесное слово, слетевшее с языка человеческого. И закрякают в ответ, и зачуфыкают, и зашваркают, и затэтэкают, стараясь всеми голосами этими ответить нам:

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! Но вот среди всех этих звуков вырвался один, ни на что не похожий.

– Ты слышишь? – спросил Митраша. – Как же не слышать! – ответила Настя. – Давно слышу, и как-то страшно.

– Ничего нет страшного. Мне отец говорил и показывал: это так весной заяц кричит.

– А зачем так? – Отец говорил: он кричит: «Здравствуй, зайчиха!»

– А это что ухает? – Отец говорил: это ухает Выпь, бык водяной.

– И чего он ухает?

– Отец говорил: у него есть тоже своя подруга, и он ей по-своему тоже так говорит, как и все: «Здравствуй, Выпиха».

И вдруг стало свежо и бодро, как будто вся земля сразу умылась, и небо засветилось, и все деревья запахли корой своей и почками. Вот тогда, как будто над всеми звуками вырвался, вылетел и все покрыл собою торжествующий крик, похожий, как если бы все люди радостно в стройном согласии могли закричать:

– Победа, победа! – Что это? – спросила обрадованная Настя.

– Отец говорил: это так журавли солнце встречают. Это значит, что скоро солнце взойдет.

Но солнце еще не взошло, когда охотники за сладкой клюквой спустились в большое болото. Тут еще совсем и не начиналось торжество встречи солнца. Над маленькими корявыми елочками и березками серой мглой висело ночное одеяло и глушило все чудесные звуки Звонкой борины. Настенька вся сжалась от холода, и в болотной сырости пахнул на нее резкий, одуряющий запах багульника.

Сюда, к Лежачему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, пролетев над низенькими корявыми болотными елочками и березками, осветили Звонкую борину, и могучие стволы соснового бора стали как зажженные свечи великого храма природы. Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетало пение птиц, посвященное восходу великого солнца. И светлые лучи, пролетающие над головами детей, еще не грели. Устроившись на мостике, для него довольно широком, ближе к ели, тетерев Косач как будто стал расцветать в лучах восходящего солнца. На голове его гребешок загорелся огненным цветком. Синяя в глубине черного грудь его стала переливать из синего на зеленое. И особенно красив стал его радужный, раскинутый лирой хвост. Завидев солнце над болотными жалкими елочками, он вдруг подпрыгнул на своем высоком мостике, показал свое белое, чистейшее белье подхвостья, подкрылья и крикнул:

– Чуф, ши! По-тетеревиному – «чуф» скорее всего значило солнце, а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй». В ответ на это первое чуфыканье Косача-токовика далеко по всему болоту раздалось такое же чуфыканье с хлопаньем крыльев, и вскоре со всех сторон сюда стали прилетать и садиться вблизи Лежачего камня десятки больших птиц, как две капли воды похожих на Косача.

Затаив дыхание, сидели дети на холодном камне, дожидаясь, когда и к ним придут лучи солнца и обогреют их хоть немного. И вот первый луч, скользнув по верхушкам ближайших, очень маленьких елочек, наконец-то заиграл на щеках у детей.

Но тут дети заспорили какой тропой лучше идти и все-таки разошлись – каждый пошел своей тропой.

Слой под ногами у Митраши становился все тоньше и тоньше, но растения, наверно, очень крепко сплелись и хорошо держали человека, и, качаясь и покачивая всё далеко вокруг. А он все шёл и шел вперед. Вдруг над головой, совсем близко, показывается головка с хохол-

ком, и встревоженный на гнезде чибис с круглыми черными крыльями и белыми подкрыльями резко кричит:

– Чьи вы, чьи вы?

– Жив, жив! – как будто отвечая чибису, кричит большой кулик кроншнеп, птица серая, с большим кривым клювом. И черный ворон, стерегущий свое гнездо на борине, облетая по сторожевому кругу болото, заметил маленького охотника с двойным козырьком. Весной и у ворона тоже является особенный крик, похожий на то, как если человек крикнет горлом и в нос: «Дрон-тон».

Оглядев местность, Митраша увидел прямо перед собой чистую, хорошую поляну, где кочки, постепенно снижаясь, переходили в совершенно ровное место. Но самое главное: он увидел, что совсем близко, по той стороне поляны, змеилась высокая трава белоус – неизменный спутник тропы человеческой. Узнавая по направлению белоуса тропу, идущую прямо на север, Митраша подумал: «Зачем же я буду повертывать налево, на кочки, если тропа вон рукой подать и виднеется там, за поляной?»

– Перескочу! – сказал он. И рванулся.

Но было уже поздно. Сгоряча, как раненый, – пропадать так уж пропадать! – на авось, рванулся еще, и еще, и еще. И почувствовал, что он плотно схвачен болотом со всех сторон по самую грудь. Теперь даже и сильно дыхнуть ему нельзя было: при малейшем движении его тянуло вниз. Он мог сделать только одно: положить плашмя ружье на болото и, опираясь на него двумя руками, не шевелиться и успокоить поскорее дыхание. Так он и сделал: снял с себя ружье, положил его перед собой, оперся на него той и другой рукой.

Внезапный порыв ветра принес ему пронзительный Настин крик:

– Митраша!

Он ей ответил, но ветер унес его крик в другую сторону.

Травка, охотничья собака недавно умершего лесника Антипыча, разлетевшись на елани по зайцу, вдруг в десяти шагах от себя глаза в глаза увидела маленького человека и, забыв о зайце, остановилась как вкопанная.

Что думала Травка, глядя на маленького человека в елани, можно легко догадаться. Ведь это для нас все мы разные. Для Травки все люди были как два человека: один – Антипыч с разными лицами и другой человек – это враг Антипыча. И вот почему хорошая, умная собака не подходит сразу к человеку, а остановится и узнает, ее это хозяин или враг его. Так вот и стояла Травка и глядела в лицо маленького человека, освещенного последним лучом заходящего солнца.

Глаза у маленького человека были сначала тусклые, мертвые, но вдруг в них загорелся огонек, и вот это заметила Травка.

«Скорее всего, это Антипыч», – подумала Травка. И чуть-чуть, еле заметно вильнула хвостом.

Мы, конечно, не можем знать, как думала Травка, узнавая своего Антипыча, но догадываться, конечно, можно.

Так вот точно, наверно, и Травке в каждом лице человека, как в зеркале, виднелся весь человек Антипыч, и к каждому стремилась она броситься на шею. А лапы ее между тем понемногу тоже засасывало; если так дольше стоять, то и собачьи лапы так засосет, что и не вытащишь. Ждать стало больше нельзя.

И вдруг…

В последний раз, незадолго до смерти, когда приходил в деревню Антипыч, собака его называлась еще Затравка. И Травка продолжала жить в лесу, упорно ожидая прихода Антипыча.

И когда загорелся огонек в глазах маленького человека, это значило, что Митраша вспомнил имя собаки. Потом омертвелые, синеющие губы маленького человека стали наливаться

кровью, краснеть, зашевелились. Вот это движение губ Травка заметила и второй раз чуть-чуть вильнула хвостом. И тогда произошло настоящее чудо в понимании Травки. Точно так же, как старый Антипыч в старое время, новый молодой и маленький Антипыч сказал:

– Затравка!

Узнав Антипыча, Травка мгновенно легла.

– Ну! Ну! – сказал «Антипыч». – Иди ко мне, умница!

И Травка в ответ на слова человека тихонечко поползла.

– Затравушка, милая Затравушка! – ласкал он ее сладким голосом. А сам думал: «Ну, ползи, только ползи!»

И собака, своей чистой душой, подозревая что-то не совсем чистое в ясных словах Антипыча, ползла с остановками.

– Ну, голубушка, еще, еще! А сам думал: «Ползи только, ползи!»

И вот понемногу она подползла. Он мог бы уже и теперь, опираясь на распластанное на болоте ружье, наклониться немного вперед, протянуть руку, погладить по голове. Но маленький хитрый человек знал, что от одного его малейшего прикосновения собака с визгом радости бросится на него и утопит.

И маленький человек остановил в себе большое сердце. Он замер в точном расчете движения, как боец в определяющем исход борьбы ударе: жить ему или умереть.

Вот еще бы маленький ползок по земле, и Травка бы бросилась на шею человеку, но в расчете своем маленький человек не ошибся: мгновенно он выбросил свою правую руку вперед и схватил большую, сильную собаку за левую заднюю ногу.

– Так неужели же враг человека так мог обмануть? Травка с безумной силой рванулась, и она бы вырвалась из руки маленького человека, если бы тот, уже достаточно выволоченный, не схватил другой рукой ее за другую ногу. Мгновенно вслед за тем он лег животом на ружье, выпустил собаку и на четвереньках сам, как собака, переставляя опору-ружье все вперед и вперед, подполз к тропе, где постоянно ходил человек и где от ног его по краям росла высокая трава белоус. Тут, на тропе, он поднялся, тут он оттёр последние слезы с лица, отряхнул грязь с лохмотьев своих и, как настоящий, большой человек, властно приказал:

– Иди же теперь ко мне, моя Затравка!

Услыхав такой голос, такие слова, Травка бросила все свои колебания: перед нею стоял прежний прекрасный Антипыч. С визгом радости, узнав хозяина, кинулась она ему на шею, и большой человек целовал своего друга и в нос, и в глаза, и в уши.

Не пора ли сказать теперь уж, как мы сами думаем о загадочных словах старого лесника Антипыча, когда он обещал нам перешепнуть свою правду собаке, если мы сами его не застанем живым? Мы думаем, Антипыч не совсем в шутку об этом сказал. Очень может быть, тот Антипыч, как Травка его понимает, или, по-нашему, ведь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем: эта правда есть правда вековечной суровой борьбы людей за любовь.

День, как ни долог был, еще не совсем кончился, когда Митраша выбрался из елани с помощью Травки. Но тут случилось, что старый Серый помещик, гроза всей животины соседних деревень, услыхав возобновленный гон собаки, выбрал себе как раз тот самый куст можжевельника, где когда-то таился злейший враг его, охотник… Увидев серую морду от себя в пяти каких-то шагах, Митраша забыл о зайце и выстрелил почти в упор. Серый помещик окончил жизнь свою без всяких мучений.

Гон был, конечно, сбит этим выстрелом, но охотничий пес Травка все-таки поймал зайца. Самое же главное, самое счастливое было не заяц, не волк, а что Настя, услыхав близкий выстрел, закричала. Митраша узнал её голос, ответил, и она вмиг к нему прибежала. После того, вскоре и Травка принесла русака своему новому молодому Антипычу, и друзья стали греться у костра, готовить себе еду и ночлег.

Утром, в деревне, заревела у них на дворе голодная скотина, и соседи пришли посмотреть, не случилось ли какой беды у детей. Стало понятно, что дети дома не ночевали и, скорее всего, заблудились в болоте. И только собрались было рассыпаться по болоту во все стороны, глядь, а охотники за сладкой клюквой идут из леса гуськом, и на плечах у них шест с тяжелой корзиной, и рядом с ними Травка, собака Антипыча.

Ребята рассказали во всех подробностях обо всём, что с ними случилось в Блудовом болоте. И всему трудно было не поверить – неслыханный сбор клюквы был налицо. Но не все могли поверить, что мальчик на одиннадцатом году жизни мог убить старого хитрого волка. Однако несколько человек из тех, кто поверил, с веревкой и большими санками отправились на указанное место и вскоре привезли мертвого Серого помещика. Тогда все в селе на время бросили свои дела и собрались, и даже не только из своего села, а тоже из соседних деревень. Сколько тут было разговоров! И трудно сказать, на кого больше глядели: на волка или на охотника в картузе с двойным козырьком.

Но когда из детдома эвакуированных детей из блокадного Ленинграда обратились в село за посильной помощью детям, Настя отдала им всю свою целебную ягоду.

И вскоре стало известно, что торфа в этом болоте хватит для работы большой фабрики лет на сто. Вот какие богатства скрыты в наших болотах! А многие до сих пор только и знают об этих великих кладовых Солнца, что в них будто бы черти живут: все это вздор, и никаких нет в болоте чертей.

Виталий Бианки
(1896 – 1959)

Виталий Валентинович Бианки, знаменитый писатель-природовед, вместе с отцом-ученым орнитологом (знатоком птиц), с детства изучал окружающую природу – его интересовало все-все, что вокруг дышит, цветёт, и растёт. Писателя называли волшебником, сумевшим увидеть в этом чудеса. Он признавался: «Весь огромный мир кругом меня, надо мной и подо мной полон неизведанных тайн. И я их буду изучать всю жизнь, потому что это самое интересное занятие в мире».

Виталий Валентинович вступил в клуб детских писателей и более 300 книг для детей было написано в соавторстве с природой, которую он постигал во всех уголках страны во время экспедиций…

Календарь лесных животных и пернатых (Из книги «Лесной календарь»)

Первый месяц осени.
С 21 сентября по 20 октября.

Осень

Сентябрь-хмурень, ревун. Всё чаще начинает хмуриться небо, ревёт ветер. Подошёл первый месяц осени. Она начинает с воздуха. Высоко над головой исподволь начинает желтеть, краснеть, буреть лист на деревьях. Как только листьям станет не хватать солнышка, они начинают вянуть и быстро теряют свой зелёный цвет. В том месте, где черешок сидит на ветке, образуется дряблый поясок, и лисья бесшумно летят на землю. Когда, проснувшись утром, первый раз увидишь на траве изморозь, запиши у себя в дневнике: «началась осень».

Исчезли стрижи. Ласточки и другие летающие у нас перелётные собираются в стаи – и незаметно, по ночам, отбывают в дальний путь. Появились тонконожки-опёнки; лето кончилось.

Месяц прощания с родиной. Путём дорогою. Каждый день, каждую ночь отправляются в путь крылатые странники. Летят не спеша, потихоньку, с долгими остановками – не то что весной. Видно, не хочется им расставаться с родиной.

Порядок перелёта обратный: теперь первыми летят яркие, пёстрые птицы, последними трогаются те, что прилетели весной первыми: зяблики, жаворонки, чайки. У многих птиц вперёд летят молодые; у зябликов самки раньше самцов. Кто посильней и выносливей, дольше задерживается.

Большинство летит на юг – во Францию, Италию, Испанию, на Средиземное море, в Африку. Некоторые – на восток: через Урал, через Сибирь в Индию, даже Америку. Тысячи километров мелькают внизу.

Месяц полных кладовых (второй месяц осени).
С 21 октября по 20 ноября.

Октябрь – листопад, грязник, зазимник. Ветры-листодёры срывают с леса последние отрепья. Скучает мокрая ворона. Ей ведь тоже скоро в путь: летовавшие у нас серые вороны незаметно откочёвывают к югу, а на их место так же незаметно перемещаются такие же вороны, родившиеся на севере. Выходит – и ворона птица перелётная. Там, на дальнем севере, ворона – первая отлётная. Покончив с первым своим делом – раздеванием леса, – осень принимается за второе: студит воду. Всё чаще по утрам лужи покрываются хрупким ледком. Как воздух, вода уже оскудела жизнью. Те цветы, что красовались на ней летом, давно уронили свои семена на дно, утянули под воду длинные свои цветоножки. Рыбы забиваются в ямы-ятови – зимовать там, где не замерзает вода. Мягкий хвостатый тритон всё лето прожил в пруду, а теперь выполз из воды – пополз зимовать на суше, где-нибудь во мху под корнями. Льдом покрываются стоячие воды. Стынет и на суши нежаркая кровь. Прячутся куда-то насекомые, мыши, пауки, многоножки. Забравшись в сухие ямы, переплетаются, застывшие змеи. Забиваются в тину лягушки, прячутся за отставшую кору пней ящерки – обмирают там… Звери – кто одевается в тёплые шубки, кто набивает свои кладовки в норах, кто устраивает себе берлогу. Готовятся… В осеннее ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крушит, мутит, ревёт и льёт, и снизу метёт.

Страшно…

Облетели деревья – поредел лес. Лежит лесной зайчишка-белячишка под кустом, прижался к земле – только глазами по сторонам зыркает. Страшно ему. Кругом – шорохи, шелесты… Уж не ястреба ли крылья шелестят в ветвях? Уж не лисонькины ли ножки шебуршат опавшей листвой? А он – зайка – белеет, весь пятнами пошёл. Что бы дождаться, когда снег выпадет! Кругом всё ярко так, цветисто стало в лесу, всюду на земле жёлтая, красная, бурая листва.

А вдруг – охотник?!

Вскочить? Бежать? Куда там!

Сухой лист гремит под ногами, как железо.

От своего собственного топота с ума сойдёшь!

И лежит зайчишка-белячишка под кустиком, в мох вжавшись, к берёзовому пеньку прижавшись, лежит – притаился, не шевельнётся – одними глазами по сторонам зыркает. Очень страшно…

Месяц зимних гостей.
С 21 ноября по 20 декабрь

Ноябрь-полузимник. Ноябрь – сентябрёв внук, октябрёв сын, декабрю родной брат: ноябрь с гвоздём, декабрь с мостом. Выезжает на пегой кобыле: то снег, то грязь, то грязь, то снег. Не велика у ноября кузница, а на всю Русь в ней оковы куются: ледостав уже на прудах и озёрах.

Третье своё дело завершает осень: раздев лес, сковав воду, прикрывает землю снежным покрывалом. Неуютно в лесу: исхлёстанные дождями, голые, чёрные стоят деревья. Блестит лёд на реке, а поди сунься на него: треснет под ногой, и ты провалишься в ледяную воду. И на земле присыпанная снегом всякая зябь останавливается в росте.

Но это ещё не зима: только предзимье. Ещё нет-нет да выдаётся солнечный денёк.

И ух ты, как обрадуется солнышку всё живое! Глядишь, там из-под корней вылезают чёрные комарики, мушки взлетают в воздух. Тут под ногами расцвёл золотой одуванчик, золотая мать-и-мачеха – весенние цветки! Снег стоял… Но крепко-крепко заснули деревья, замерли до весны, ничего не чувствуют. Теперь начинается пора лесозаготовок.

Месяц белых троп (первый месяц зимы).
С 21 ноября по 20 января.

Декабрь-студень. Декабрь мостит, декабрь год кончит, а зиму начинает. С водой покончено: даже буйные реки скованы льдом. Земля и лес укутаны снежным одеялом. Солнце скрылось за тучей. День становится короче и короче, ночь растёт. Сколько мёртвых тел погребено под снегом! В свой срок выросли, расцвели, дали плоды растения-однолетки. И рассыпались в прах, снова превратились в землю, из которой вышли. В свой срок рассыпались в прах однолетние животные – многие маленькие безпозвоночные. Но растения оставили семена, животные отложили яички. В свой срок солнце, как прекрасный царевич в сказке о мёртвой царевне, поцелуем пробудит их к жизни. Заново создаст из земли живые тела. А многолетние животные и растения сумеют сохранить свою жизнь всю долгую зиму – до новой весны. Ведь не успела ещё зима войти в полную силу, а уж близится день рождения солнца – 23 декабря! Солнце вернётся в мир. С солнцем возродится жизнь.

Но надо ещё пережить зиму.

Месяц лютого голода (второй месяц зимы
С 21 января по 20 февраля.

Январь, говорит народ, к весне поворот; году начало, зиме серёдка: солнце на лето, зима на мороз. На Новый год прибавился на заячий скок. Земля, вода и лес – всё покрыто снегом, всё кругом погружено в непробудный и, кажется, мёртвый сон.

В трудную пору жизнь отлично умеет притворяться мёртвой. Замерли травы, кусты и деревья. Замерли, но не умерли.

Под мёртвым покрывалом снега – они таят могучую силу расти и цвести. Сосны и ели хранят в сохранности свои семена, крепко зажав их в свои кулочки-шишки. Животные с холодной кровью, затаившись, застыли. Но тоже не умерли, даже такие нежные как мотыльки, попрятались в разные убежища. У птиц особенно горячая кровь, они никогда не впадают в спячку. Многие звери, даже крошечные мыши, бегают всю зиму. И не диво ли, что спящая в берлоге медведица под глубоким снегом в январские морозы производит на свет крошечных слепых медвежат и, хоть сама всю зиму ничего не ест, кормит их до весны своим молоком!

Холодно в лесу, холодно!

Ледяной ветер гуляет в открытом поле,.

Хорошо тому, у кого тёплое, уютное логово, норка, гнездо; у кого запасов полна кладовая. Закусил поплотней, свернулся калачиком – спи крепко.

Месяц дотерпи до весны (третий месяц зимы).
С 21 февраля по 20 марта.

Февраль-перезимок. Вьюги да метели под февраль полетели; по снегу, а следу нету. Последний, самый страшный месяц зимы.

Месяц лютого голода, волчьих свадеб, налётов волков на деревни и маленькие города – с голодухи утаскивают собак, коз, залезают в овчарни по ночам. Тощают все звери. Кончаются запасы у зверюшек и в норах, в подземных кладовых.

Снег из друга, сохраняющего тепло, для многих всё больше теперь превращается в смертельного врага. Под его непосильной тяжестью ломаются ветви деревьев. Дикие куры – куропатки, рябчики, тетерева – радуются глубокому снегу: им хорошо ночевать, зарывшись в него с головой. Но вот беда, когда после дневной оттепели ударит мороз и покроет снег ледяной коркой-настом, трудно пробиться из-под него.

Весны приметы. Хоть и крепки ещё в этом месяце морозы, да уж не то, что были среди зимы. Хоть и глубок снег, да уж не тот, что был – блестящ и бел. Потускнел, посерел, ноздреват стал. А с крыш сосульки растут, а с сосулек капель. Глядишь – уж и лужицы. Солнце всё чаще выглядывает, солнце уж начинает пригревать. И небо уж не мёрзлое, бело-голубоватого зимнего цвета. Небо синеет день ото дня. И облака по нему не сероватые, зимние: они уже слоятся и, того и гляди, поплывут крепкими, сбитыми кучками.

Чуть солнце – под окном уж вызванивает весёлая синица: – Скинь шубак, скинь шубак! В лесу нет-нет да раскатится радостная дробь пёстрого дятла. Хоть носом по суку, а всё считается песня! И в самой глуши, под елями и соснами, на снегу кто-то чертит таинственные знаки, непонятные чертежи. Ведь это мошник-бородатый лесной петушище, – глухарь избороздил крепкий весенний наст крутыми перьями могучих крыльев. Значит… значит, вот-вот начнётся глухаринный ток, таинственная лесная музыка.

Месяц пробуждения (первый месяц весны).
С 21 марта по 20 апреля.

21 марта – день весеннего равноденствия, – день с ночью мерятся: полсуток на небе солнышко, полсуток – ночь. В этот день в лесу празднуют Новый год – к весне поворот.

Март – по-народному – парник, капельник. Солнце начинает одолевать зиму. Рыхлеет, ноздрится, становится серым снег. С крыш свисают ледяные сосульки, блестя, струится по ним вода – и капает, капает… Натекают лужи – и уличные воробьишки весело полощутся в них, смывая с перьев зимнюю копоть. В садах звенят радостные бубенчики синиц. Весна прилетела к нам на солнечных крыльях. У неё строгий порядок работ. Первым делом она освобож-

дает землю: делает проталинки. А вода ещё спит подо льдом. Спит под снегом и лес. Утром 21 марта по старинному обычаю пекут жаворонки-булочки с носиком, с изюминками на месте глаз. В этот день у нас выпускают на волю певчих птиц.

Месяц пробуждения

И с этого дня по-новому нашему обычаю начинается месяц птиц. Ребята посвящают его нашим маленьким пернатым друзьям: развешивают на деревьях тысячи птичьих домиков-скворечен, синичников, дуплянок; перевязывают кусты для гнёзд; устраивают бесплатные столовые для милых гостей.

Первое яйцо. Самка ворона первой из всех птиц снесла яйцо. Её гнездо – на высокой ели, густо засыпанной снегом. Чтобы яйцо не застыло и птенчик в нём не замёрз, ворониха не оставляет гнезда. Пищу ей приносит ворон.

Месяц возвращения на родину
(второй месяц весны).
С 21 апреля по 21 мая.

Апрель – зажги снега! Апрель спит, да дует, тепло сулит, а ты гляди: что-то ещё будет!

В этом месяце с гор вода, рыба со стану. Весна высвободила из-подо льда воду. Ручейки талого снега тайно сбежали в реки, вода поднялась и сбросила с себя ледяной гнёт. Зажурчали вешние потоки – разлились широко по долинам.

Напоённая вешней водой, тёплыми дождями земля надевает зелёное платье, с пестринами нежных подснежников. А лес всё ещё спит голый – ждёт своей очереди, когда им зай-

мётся весна. Но уже началось тайное движение сока в деревьях, наливаются почки, расцветают цветы на земле и в воздухе, – на ветвях.

Солнечная ванна для гадюки. Ядовитая гадюка каждое утро вползает на сухой пенёк и греется на солнце. Она ещё с трудом ползает, потому что кровь у неё сильно остыла на холоде. Согревшись на солнышке, гадюка оживает и отправляется на охоту за мышами и лягушками.

Месяц песен и плясок (третий месяц весны).
С 21 мая по 20 июня.

Месяц Май – пой да гуляй! Вот когда весна всерьёз принялась за своё третье дело: начала одевать лес. Вот когда в лесу начался весёлый месяц – месяц песен и плясок! Победа, полная победа солнца – света и его тепла – над стужей и мраком зимы.

Зорька вечерняя утренней зорьке руки подаёт – на севере начинаются белые ночи. Отвоевав землю и воду, жизнь поднимается во весь рост. Сияющей зеленью новорождённых листьев одеваются высокие деревья. Мириады легкокрылых насекомых поднимаются в воздух в сумерках на охоту. За ними вылетают полуночники-козодои и вёрткие летучие мыши. Днём реют в воздухе ласточки и стрижи, висят-парят над пашнями, над лесом орлы, коршуны. Как на ниточке подвешенные к облакам, трепещут над полями пустельги и жаворонки.

Отворились двери без петелек, залетали жильцы златокрылые – труженицы-пчёлки.

Весна

Всё поёт, и играет, и пляшет: косачи – на земле, селезни – на воде, дятлы – на деревьях, бекасики – небесные барашки – в воздухе над лесом. Теперь по слову поэта, «птица и всякая зверь у нас на Руси веселятся. Сквозь лист прошлогодней пробившись, теперь синеет в лесу медуница».

Лесной оркестр. В этом месяце соловей так распелся, что и днём и ночью свищит да щёлкает. Ребята удивляются: а когда же он спит? Весной птицам спать некогда, птичий сон короток: успевай заснуть между двух песен да в полночь часок, да в полдень часок.

На утренних и вечерних зорях не только птицы – все лесные жители поют и играют, кто на чём и как умеет. Тут услышишь и звонкие голоса, и скрипку, и барабан, и флейту, и лай, и кашель, и вой, и писк, и уханье, и жужжанье, и урчанье, и кваканье.

Звонкими, чистыми голосами поют зяблики, соловьи, певчие дрозды. Скрипят жуки и кузнечики. Барабанят дятлы.

Свистят флейтой иволги и маленькие дрозды-белобровики.

Лают лисица и белая куропатка. Каляет косуля. Врет волк.

Ухает филин. Жужжат шмели и пчёлы. Урчат и квакают лягушки.

Никто не смущается, если у него нет голоса. Каждый выбирает себе музыкальный инструмент по своему вкусу.

Дятлы отыскивают звонкие сухие сучья. Это у них – барабан. А вместо палочек у них – отличный крепкий клюв.

Жуки-усачи скрепят своей жёсткой шеей, – чем не скрипочка?

Кузнечики – лапки по крыльям: на лапках у них зазубринки.

Рыжая цапля-выпь ткнёт длинный клюв в воду да как дунет в него! Бултыхнётся вода – по всему озеру гул, словно бык проревел.

А бекас, тот даже хвостом умудряется петь: взовьётся ввысь да вниз головой оттуда с распущенным хвостом. В хвосте у него ветер гудит – ни дать ни взять барашек блеет над лесом!

Вот какой оркестр в лесу.

Месяц гнёзд (первый месяц лета).
С 21 июня по 20 июля.

Лето

Июнь – розан цвет. Конец пролетья, начало лета. Самые длинные длятся дни; на дальнем Севере и вовсе ночи нет: не заходит солнце. На сырых лугах цветы теперь всё больше солнечного цвета: купальницы, калужницы, лютики – луг от них весь золотой. В эту пору – в самую пору солнечного рассвета – собирают люди целебные цветы, стебли, коренья себе про запас, чтобы, вдруг занетужив, передать себе собранную в них живительную силу солнца. У всех певчих пичужек гнёзда, во всех гнёздах – всех цветов яички. Сквозь тонкую скорлупку просвечивает нежная маленькая жизнь.

И вот уже пришёл самый долгий день во всём году – 22 июня – день летнего солнцестояния. С этого дня медленно-медленно – а кажется-то: как быстро! – так же медленно, как прибывает весной свет, день идёт на убыль.

Месяц птенцов (второй месяц лета).
С 21 июля по 20 августа.

Июль – макушка лета – устали не знает, всё прибирает. Ржице-матушке к земле кланятся велит. Овёс уже в кафтане, а на гречe и рубашки нет.

Зелёные растения сделали из солнечного света своё тело. Золотистый океан спелой ржи и пшеницы засыпаем мы себе впрок на весь год. Запасаем скотинке сено: уж пали леса трав, встали горы стогов. Примолкать начинают пичужки: им уж не до песен. Во всех гнёздах птенчики. Они родятся голенькими слепышами и долго нуждаются в заботах родителях. Но земля, вода, лес, даже воздух – всё полно сейчас корма для маленьких, хватит на всех!

В лесах всюду полно маленьких сочных плодов: ягод земляники, черники, голубики, смородины; на севере – золотистой морошки, на юге в садах – черешни, клубники, вишни. Луга сменили золотое своё платье на ромашковое: белый цвет лепестков отражает горячие солнечные лучи.

Месяц стай (третий месяц лета).
С 21 августа по 20 сентября.

Август-зарник. Ночью беззвучно озаряют леса быстрые зарницы. Последний раз летом луга меняют наряд: теперь он пёстрый, цветы по нему всё больше тёмные – синие, лиловые. Начинает слабеть солнце – надо собирать, хранить его прощальные лучи.

Поспевают крупные плоды: овощи, фрукты.

Поспевают и поздние ягоды: брусника; зреет клюква на болоте, на дереве рябина.

А деревья всё медленнее растут и толстеют.

Елена Белевская
(1918—1984)

Елена Ивановна Белевская – писатель удивительного дарования. Природа в её повествовании очаровывает своей беззащитной нежностью и мелодиями своей щедрой многокрасочной жизни. Так, старый лес подарил выдающемуся отечественному композитору Н. А. Римскому-Корсакову свои мелодии для сказки-оперы о прекрасной Снегурочке, отдавшей свою жизнь за мечту почувствовать сердечное тепло человека.

Сказки старого леса
(Из новеллы «Рождение сказки»)

Николай Андреевич с трудом продирался сквозь густую заросль. Лес сомкнулся и, казалось, не захотел его ни впустить, ни выпустить. И он в некотором замешательстве воскликнул: «Ну и трущоба! Да это настоящие северные джунгли… Поистине, «ни пешему, ни конному дороги и следу нет»…

Разорвав голые сучья, он выбрался на небольшую травянистую поляну с какой-то причудливой корягой посреди. Коряга оказалась громадным уродливым наростом на изогнутом обугленном стволе дерева, очевидно, давно сожженного сверху молнией. Шагах в трех от этого своеобразного лесного трона уходила высоко вверх гигантская прямая сосна.

Усевшись на «троне», он неспешно огляделся по сторонам. Заблудиться по-настоящему он не боялся. Не ему же бывшему моряку, потеряться на манер сказочной девчонки даже в этом заповедном лесу. Зато какая глухомань – настоящая, русская, дремучая! Недаром прозывается это место «Волчинец»…

Вдруг взгляд привлекло белое пятнышко, мелькнувшее под кустиком лесного малинника в нескольких шагов от него. Он подошел к кустику и отстранил его. Потянуло едва ощутимым нежным запахом. Перед ним был цветок ландыша. Тонкий стебелек чуть склонился, как бы стыдясь того, что в неурочное время затаился от горячих солнечных лучей в укромном местечке и незаконно продлил свой короткий век.

Самые нижние цветики маленькой белой гирлянды уже чуть поблекли и опустились вниз: все же остальные были подобны тугим жемчужинкам с серебряными росинками внутри: сверху раскланялись в разные стороны крохотные зеленоватые бутончики.

Лицо Римского-Корсакова дрогнуло, будто скользнул по нему неожиданный отсвет. Он снял мягкую небольшую фуражку и, став на одно колено, низко нагнулся над цветком и слегка дотронулся до тугих жемчуженок тонкими суховатыми пальцами. Затем выпрямился во весь рост и крикнул глуховатым от долгого молчания голосом: «Го-го-го, старый…! Все-таки я нашел терем твоей дочки, Снегурочки! Го-Го-го, плут Леший, хитер ты, а я перехитрил тебя!..»

Го-го-го… загогатало наперебой несколько голосов, то лес неодобрительно отзывался на его бурную радость.

Где-то вверху зашумели листья – подняли переполох птицы. Невидимый дятел сердито застучал клювом, как старый учитель указкой, успокаивая не в меру расходившихся озорных питомцев.

Николай Андреевич замер, прислушиваясь к лесным голосам, и казалось, слегка захмелел. Затем вынул из внутреннего кармана куртки перегнутый лист толстой бумаги, карандаш и стал быстро наносить на тонкие черные линейки ноты, затем опять прислушался, помахивая карандашом, и снова писал…

Уже давно пора домой, а уходить не хочется. Не хочется расставаться с глухим зачарованным местом, где покоренный им старый сказочник-лес разоткровенничался и открывает ему одну за другой свои тайны, свои мелодии.

Когда он выбрался из леса, солнце уже клонилось к закату. Перед ним было озеро Врево. Он никогда не подходил к нему с этой стороны и впервые увидел его в фантастическом обрамлении густых зарослей камыша и лозняка. Сквозь зеленные ветки просвечивало плавленое золото. Оно иногда кое-где чуть колыхалось, и на нем зажигались разноцветные блестки.

Он снова был заворожен, но совсем иной красотой. Какое же роскошное обилие цветов, красок, ароматов, тепла!.. Ну, конечно же, это сюда нежная Снегурочка пришла на заре попросить у матери немного сердечного тепла. Из розовых вод Враво поднялась красавица Весна и сплела венок из этих незабудок, кашки и вон из того разноцветного лугового мака.

Он всматривался в венчики и словно слышал душу каждого цветка… Вот звенит синий василек, воркует липкая дрема, страстно шепчет красные мак. Но сквозь яркое солнечное разноголосье – ему беспрерывно слышался тихий отдаленный хрустальный звон лесного ландыша…

В полночь, когда весь дом уже спал, Николай Андреевич спустился с террасы в сад. От легкого ветра на дорожках слегка колебались лунные тени. Впереди маячило молочное облачко тумана.

– Опять ты, Снегурочка! – тихо позвал он и шагнул к облаку. Но облако передвинулось вперед, и он прошептал: «Не бойся меня… Я ведь друг твой и открою тебе несколько земных тайн… Послушай… Ты знаешь власть звуков? Я дам тебе их, и сама твоя слабость станет великой силой… Люди станут сочувствовать твоей судьбе, поймут, что ты больше других выстрадала свое право на счастье… Счастье – капризное дитя – к одним идет просто, от других отворачивается, а ты за него заплатила жизнью… Пусть же чистота твоего сердца, Снегурочка, перейдет в людские сердца… Пусть будет священно желание каждого сохранить в своем сердце до глубокой старости частицу весны, молодости, мечты… Да будет священно стремление людей к любви и счастью…».

Николай Андреевич долго бродил по лунным дорожкам, впереди него плыло и ускользало легкое туманное облако.

…Тринадцать лет прошло с того дня, когда он нашел терем Снегурочки. Тринадцать лет утекло с той лунной ночи, когда он провозгласил здравницу своей мечте.

И вот 29 января 1882 года – премьера его оперы «Снегурочки». Он сидит в ложе строгий, непроницаемый. Если бы кто мог узнать, какие чувства волнуют сердце сказочника?!Перед ним проходит вся его жизнь —постоянный, непрерывный труд…

Его видели строгим и неумолимым студенты консерватории; молчаливым и угловатым инспектором – морские офицеры; придирчивым, но чутким учителем и опекуном – парни-бедняки, собранные со всех концов Руси в придворную капеллу; замкнутым и порой раздражительным дирижером – музыканты многочисленных оркестров…

Но кто из них знал, что испытывал этот внешне холодный и спокойный человек, когда оставался один на один с природой, как хмелел от ее звуков и красок, как был восторжен и мягок, когда создавал чистый образ, своей облаченной в мелодии мечты.

Эрнест Сетон-Томпсон
(1860—1946)

*Эрнест Сетон-Томпсон, **п**исатель, художник-анималист, натуралист. Классик литературы о животных, обрисовал их удивительное поведение и чувства. Сетон-Томпсон на протяжении всей своей жизни не переставал напоминать людям, что лишь общение с живой природой, бережное отношение к ней может стать источником радости и понимания ценности бытия. Его называют другом братьев наших меньших. Сетон-Томпсон с детских лет жил в Канаде, где долгие годы изучал диких животных в естественных условиях обитания.*

Он много путешествовал, бывал в лесах, в прериях, в диких, нетронутых цивилизацией областях Дальнего Севера, воспетого им в книге «В прериях Америки». Большое влияние Эрнст Сетон-Томпсон оказал на развитие особой научной школы зоологов, став основателем научно-практического центра натуралистов в Канаде.

Виннипегский волк

В начале зимы, Джим заболел. Волк жалобно выл на дворе, не видя своего друга, и наконец, по просьбе больного, был допущен в его комнату. И здесь, большой дикий пёс – ведь волк просто дикий пёс – верно дежурил у постели своего Джима.

Болезнь казалась начале несерьезной, и все были поражены, когда наступил внезапный поворот к худшему и за три дня до Рождества мальчика не стало. Волк оплакивал его искреннее всех. Большой серый зверь откликался жалобным воем на колокольный звон, в сочельник бредя за погребальным шествием.

Вскоре он возвратился на задворок трактира, где вырос осиротевшим малышом, сидя на цепи, затравленный собаками жестокого и бездушного трактирщика. Его держали во дворе для забавы посетителей, и эта забава заключалась преимущественно в травле пленника собаками. Несколько раз молодой волк был искусан до полусмерти, но каждый раз побеждал, и с каждым месяцем уменьшалось число собак, желавших потягаться с ним. Жизнь его была очень тяжела. Единственным отрадным проблеском была дружба, возникшая между ним и маленьким Джимом Гоганом, сыном трактирщика.

Джим был своенравный плутишка, себе на уме. Волк полюбился ему тем, что однажды загрыз укусившую его собаку. С тех пор мальчик начал кормить и ласкать его. И волк разрешал ему всякие вольности, которых не позволил бы никому другому.

Отец Джима не был образцовым родителем. Обыкновенно он баловал сына, но подчас приходил в ярость и жестоко избивал его из-за пустяков. Ребенок рано понял, что его бьют не за дело, а потому, что он подвернулся под сердитую руку. Стоило поэтому укрыться на время в надежном месте, и больше ни о чем было тужить. Однажды, спасаясь бегством от отца, он бросился в волчью конуру. Бесцеремонно разбуженный серый приятель повернулся к выходу, оскалил двойной ряд белоснежных зубов и весьма понятно этим сказал отцу: «Не смей его трогать». Дружба между Джимом и его любимцем росла. Чем старше становился волк, тем яростнее он ненавидел собак и пахнущих водкой людей. Зато его любовь к Джиму и всем прочим детям росла с каждым днём.

В это время, осенью 1881 года, фермеры сильно жаловались на то, что волки очень размножились и истребляли стада. Отрава и капканы оказались бессильными, и понятно, что, когда в виннипегском клубе появился знатный немецкий путешественник, сообщивший, что у него есть собаки, способные в короткое время избавить страну от волков, его речи возбудили всеобщее любопытство. Всякому хотелось проверить собак на деле. Но, напрасно проискав волков в течение трех дней, они готовы уже были отказаться от охоты, когда кто-то вспомнил, что у трактирщика есть цепной волк, которого можно дешево купить и который, хотя ему только год, вполне пригоден для испытания собачьих способностей.

Стоимость волка сразу повысилась, когда трактирщик узнал, для чего он нужен охотникам. Однако «совесть» сразу перестала мешать ему, едва охотники сошлись с ним в цене.

Теперь нужно было удалить маленького Джима. Его отослали к бабушке. Затем волка загнали в ящик, ящик заколотили гвоздями, поставили на фургон и отвезли в открытую прерию. Собак с трудом могли удержать – так они рвались на ловлю, едва почуяв волка. Трижды собаки нападали на него – и трижды были отражены.

Молодой волк бежал во всю прыть, но скоро белый пес настиг его и подступил к нему вплотную.

– Смотрите теперь, – крикнул хозяин собак, – как этот волк взлетит на воздух!

Минуту спустя волк и собака сошлись на мгновение, но оба тотчас же отпрянули друг от друга. Ни один из них не взлетел на воздух, а белый пес упал на землю с ужасной раной на плече, выведенный из строя, если не убитый. Десять секунд спустя налетел, разинув пасть,

второй пес – палевый. Схватка была так же мимолетна и почти так же непонятна, как и первая. Животные едва соприкоснулись. Серый зверь метнулся в сторону. Палевый пес отшатнулся, показав окровавленный бок.

Понукаемый людьми, он снова бросился, но получил вторую рану, окончательно научившую его уму-разуму.

В это время подоспел сторож с еще четырьмя большими собаками. Их спустили на волка, и люди с дубинами и арканами уже спешили вслед, чтобы прикончить его, когда через равнину примчался верхом на пони маленький Джим. Он соскочил на землю и, протолкавшись сквозь оцепившее волка кольцо, обхватил его шею руками. Он называл его «милым волчком», «дорогим волчишкой»; волк лизал ему лицо и махал хвостом. Затем мальчик обратил к толпе мокрое от слез лицо и сказал… Ну, да лучше не печатать того, что он сказал. Ему было всего девять лет, но он был очень груб, так как вырос в низкопробном трактире и успешно усвоил все постоянно слышанное там сквернословие.

Он ругал их всех и каждого, не исключая и родного отца.

Взрослый человек, позволивший себе такие оскорбительные и неприличные выражения, не миновал бы жестокой расправы. Но что делать с ребёнком? И в конце концов охотники сделали самое лучшее: они громко рассмеялись – не над собой, конечно, смеяться над собой никто не любит, – нет, все до одного они смеялись над хозяином знаменитых собак, спасовавших перед молоденьким волком.

Тогда Джим засунул грязный, мокрый от слез кулачок в свой мальчишеский карман и, порывшись там среди стеклянных шариков и леденцов, смешанных с табаком, спичками, пистолетными пистонами и другой контрабандой, выудил из всего этого обрывок тонкого шнурка и привязал его на шею волку. Затем, все еще всхлипывая, поскакал домой, уводя волка на шнурке и бросив этому хвастливому немецкому дворянину прощальную угрозу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.